

Владимир Фёдорович Одоевский

Письмо С. С. Уварову

Владимир Фёдорович Одоевский

Письмо С. С. Уварову

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22139361

Аннотация

«Милостивый государь Сергей Семенович. Позвольте мне на сей раз обратиться к вашему высокопревосходительству не как к министру, но как к русскому литератору и дворянину...»

Одоевский Владимир

Письмо С. С. Уварову

Милостивый государь
Сергей Семенович.

Позвольте мне на сей раз обратиться к вашему высокопревосходительству не как к министру, но как к русскому литератору и дворянину,

На днях выходят первые части полного собрания моих сочинений; сие обстоятельство, некогда у нас довольно простое, при настоящем состоянии журналистики ставит каждого человека, несколько себя уважающего, в довольно затруднительное и странное положение. Каждый из нас, имевший несчастье видеть себя в печати, должен быть готов на критику самую пристрастную, самую жестокую – и на это жаловаться не должен и не может; но некоторые из наших журналов, недовольные сим законным правом, в котором никто им не отказывает, часто забывают, что человек, печатающий свои сочинения, отдает им на суд лишь то, что принадлежит собственно ему, т. е. свои сочинения, но не то, что принадлежит ему вместе с другими, то есть свое имя и свое звание.

Закон и надзор цензуры предупреждают личности, но ни закон, ни цензор не могут научить тому чувству приличия, которое находится в сердце всякого образованного человека; цензор при срочной работе не может устранить преврат-

ных толкований, имеющих вид литературный, но цель вовсе не литературную, он не может устранить также произвольного соединения отрывочных фраз, поставленных вместе для того, чтобы дать им смысл предосудительный; равно цензор не может угадать, что журналист, забыв всякую добросовестность, позволил себе под названием выписки из разбираемой книги ввести целые строки, в ней не находящиеся. Такие примеры, к сожалению, были в нашей журналистике. Имея счастье пользоваться нерасположением ко мне преимущественно двух журналов: «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения» я вынужден просить ваше высокопревосходительство принять под особое покровительство мои сочинения – сочинения честного человека и дворянина тем более, что, если не ошибаюсь, цензоры сих двух журналов недавно вступили в свое звание и, может быть, не вполне еще знакомы с журнальным искусством лавировать между буквою закона и цензорским наблюдением.

Никто больше вашего высокопревосходительства не может постигнуть чувства, руководящего мною в сем случае. Вы поймете, что здесь говорит не мелкое авторское тщеславие, которое боится строгой критики; может быть, в течение моей литературной жизни я имел случай доказать, что для журнальной похвалы я никогда не искал благосклонности моих литературных врагов, хотя иногда для того, чтобы иметь их на своей стороне, достаточно было бы одной строки моей; пусть разбирают они каждое мое слово, каждую букву

в слове свобода полная, – но вы можете судить по себе, ваше высокопревосходительство, какую обязанность за меня возлагает и как дорого для меня имя, которое я имею честь носить. Я должен предохранить его от поругания всеми зависящими от меня средствами, оно принадлежит не мне одному, но всем членам моего семейства и, смею сказать, истории нашего отечества. Это имя я отдаю под вашу боярскую защиту в полной уверенности, что моя просьба не будет напрасна перед вами, древним русским боярином.